

УДК 340:33

DOI 10.36511/2588-0071-2020-2-66-73

Корелов Олег Анатольевич

кандидат физико-математических наук, профессор кафедры управления Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

Oleg A. Korelov

candidate of sciences (physics and mathematics), professor of the department of management

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: olkor2006@mail.ru

Морозов Олег Леонидович

кандидат экономических наук, начальник кафедры управления Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

Oleg L. Morozov

candidate of sciences (economics), head of the department of management Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: morozovole@yandex.ru

**Особенности обеспечения экономической безопасности
в современном мире**

Ensuring economic security in the modern world

В свете основных особенностей современного этапа развития цивилизации выявлены основные угрозы безопасности, рассмотрены два базовых сценария решения проблем, прежде всего, в связи с внедрением информационных технологий.

Ключевые слова: современная эпоха, социальное управление, внедрение информационных технологий, сценарии развития, угрозы безопасности.

In light of the main features of the modern stage of civilization development, the main security threats have been identified, two basic scenarios for problem-solving have been considered, primarily in connection with the introduction of information technology.

Keywords: modern era, social governance, the introduction of information technology, development scenarios, security threats.

© Корелов О.А., Морозов О.Л., 2020

Идеал хорошо упитанного скота — это идеал всех деспотов, а также гуманнейших из буржуа.

Г.В. Плеханов

Прежде всего, следует договориться по трем принципиальным вопросам.

Во-первых, мы будем рассматривать экономическую безопасность в контексте обеспечения безопасного, устойчивого развития человечества в целом.

Во-вторых, мы будем рассматривать именно экономическую безопасность, различая вслед за Аристотелем экономику, имеющую целью удовлетворения потребностей людей, и хрематистику, нацеленную на извлечение прибыли. Мы постараемся показать, что в современных условиях хрематистика, как и многие другие посредники, становятся не только не нужны, но и опасны.

Наконец, мы полагаем, что если уподобить человеческое общество кораблю в море, то для его безопасности главным является проблема — где он находится и куда ему нужно плыть. Все остальные — квалификация экипажа, мощность машин, состояние корпуса, прогноз погоды и т. д. — приобретают смысл только после ее разрешения.

Заметим, что применительно к современной эпохе именно от того, кто и как будет решать, цивилизация (в полном соответствии с двусмысленным значением китайского иероглифа «кризис») получит либо новые весьма большие возможности, либо столкнется с проблемами, которые поставят под вопрос ее существование как таковой.

Чтобы решить эту проблему, следует иметь ясное представление о следующем:

— в чем особенности современного этапа развития человечества и не носят ли они качественный характер;

— если носят, то почему решение задач хрематистики уже не может и не должно быть условием развития экономики;

— при развитии экономики какие именно потребности подлежат приоритетному удовлетворению;

— каковы основные угрозы экономической безопасности и (как тень) какие возможности открываются;

— какова должна быть общая концепция развития экономики для нейтрализации угроз и использования возможностей.

Рассмотрение этого комплекса вопросов проведем, отталкиваясь от объективной основы — содержания и, следовательно, особенностей современной эпохи. Они проявляются тройко.

Во-первых, все предшествующее развитие человечества осуществлялось стихийно, в отчужденной форме, без осмысления прогресса и, следовательно, целенаправленное и целесообразное влияние на него человека исключалось. К настоящему времени возможности такого рода прогресса исчерпаны. Это следует как из общетеоретических соображений, так и из результатов осмысления общественной практики.

Капитал — исторически последнее и наиболее развитое средство обеспечения прогресса в отчужденной форме — представляет собой самовоспроизводящуюся сущность (змея вцепилась в свой хвост), и ничего качествен-

но нового само по себе возникнуть не может. Такие события, как Первая мировая война, Великая депрессия показали, что неуправляемое развитие уже в условиях начала прошлого века порождает катастрофы глобального масштаба. С тех пор ни одно государство, претендующее на звание цивилизованного, не обходится без разработки и активного использования средств социального регулирования. Невидимая рука рынка в качестве главного двигателя прогресса сохранилась разве что где-нибудь в Верхней Вольте, да и то сомнительно.

Собственно, на наших глазах даже частичное свертывание таких регуляторов на Западе после крушения Советского Союза очень быстро породило и глобальный кризис 1998 года и кризис 2008 года, продолжающийся до сих пор и, более того, обострившийся именно сейчас.

Мы вступаем в качественно новую эпоху, кардинально отличающуюся от всего, что было за последние 10-20 тысяч лет, когда любое позитивное изменение в обществе может быть результатом только целесообразной и целенаправленной деятельности некоего уполномоченного обществом субъекта.

Вторая особенность современности заключается в следующем. Непосредственным проявлением и одновременно основой общественного развития в предшествующие тысячелетия было развитие разделения труда, или (что то же самое) отношений частной собственности. При этом наиболее существенным, определяющим оставшиеся детали было разделение труда на два качественно различных вида.

Первый вид — это труд, который может быть задан однозначным алгоритмом «бери больше — кидай дальше». Для него начальные и граничные условия строго заданы, между затраченными усилиями и результатом существует вполне определенная (хотя бы в среднем) связь, его можно контролировать извне.

Второй вид — это решение, как говорят математики, некорректных задач — с не до конца определенными условиями, допускающими неустойчивость и неоднозначность результата относительно малого изменения этих условий, не имеющий гарантии достижения результата в принципе и не поддающийся потому внешнему контролю.

Заметим, что при этом:

— для каждого конкретного человека в его повседневной деятельности присутствовали, как правило, оба вида труда, только в разной пропорции, и именно содержание этой пропорции определяло место и роль человека в исторически сложившейся системе разделения труда, основные классы данного общества;

— представители всех классов не могли существовать друг без друга, составляли противоречивое — но единство, их деятельность взаимно дополняла друг друга и поэтому как раб, так и рабовладелец, как рабочий, так и капиталист могли выжить только вместе и вместе являлись необходимым элементом социума.

Однако общие законы развертывания, развития противоречий гласят, что предоставленные сами себе, они развертываются до некоего предела (чему соответствует наиболее наглядное проявление этих противоречий), подготавливая тем самым переход количества в качество.

Конвейер, пожалуй, наивысшая форма организации индустриального производства, впервые поставил большие массы людей в условия, когда от них требуется только простой, алгоритмизированный труд, и подготовил условия для маленького шажка вперед — замены рабочего автоматом.

Но массовая автоматизация «снимает» прежнее разделение труда, ибо для существа, претендующего на звание человека, полезного члена общества, остается теперь только один вид деятельности — второй из вышеописанных. А между людьми, который его осуществляют, элитой общества, скажем для краткости, разделения труда, по сути, нет, они решают сходные задачи, общаются и с природой и друг с другом на едином языке.

И это кардинальным образом должно поменять социальную структуру общества, породить великие возможности и великие опасности. Ситуация напоминает хорошо известную в естественных науках и в технике бифуркацию типа «вилы» (весьма подходящее название). Есть некая система, прибор, есть входное воздействие и есть выходной сигнал. До поры до времени зависимость выхода от входа однозначна. Но при достижении некоего уровня входного сигнала поведение системы становится многовариантным.

В простейшем случае вариантов три. Первый — система скачком меняет зависимость выхода от входа в сторону улучшения характеристик, то есть приобретает новое качество. Второй — тривиальный: на выходе ноль, прибор сгорел. Третий — зависимость выхода от входа остается прежней, но данное решение неустойчиво и малейшее возмущение (пролет бабочки Брэдли) приводит систему к одному из первых двух вариантов (вопрос о том, возможно ли в принципе стабилизировать это состояние, снимаем, ибо это в любом случае за пределами сложно, а главное — зачем?).

В нашем случае выбор определяется ответом на вопрос: а что делать с теми, кто в силу своих интеллектуальных и нравственных качеств (кто и как их определяет в данном случае неважно, считаем, что «объективно» и «справедливо») не может быть допущен к элитарному труду, а значит лишается возможности выполнять вообще какую-либо общественную функцию? Первый вариант — в качестве главной общество решает задачу поднять всех своих членов (пусть даже во втором-третьем поколениях) до элитарного уровня.

Это процесс противоречивый. Ведь во всяком деле должны быть лидеры, то есть элита. Да, но она создается под конкретную задачу, прошлые заслуги не в счет, ее состав и полномочия никак не формализуются, то есть элита постоянно возникает, но она виртуальна, а главное — ее основная задача — поднять остальных до себя, иными словами, совершить (пусть и в мягкой форме) социальное самоубийство.

Конкуренция (игра в лучшем случае с нулевой суммой, чаще — с отрицательной) заменяется соревнованием (игра с положительной суммой, достижениями некоторых пользуются для решения дальнейших задач все).

Необходимые условия:

— некоторый избыток мощностей для удовлетворения разумных витальных потребностей (разумными назовем те, удовлетворение которых не разрушает систему, их удовлетворяющую) — при автоматическом производстве решаемо;

— достаточный уровень компетентности всех членов общества — решаемо;

— принятие человека (каждого) в качестве высшей ценности.

А вот с последним — плохо, ибо оно идет вразрез со всеми нашими обезьяньими инстинктами и унаследованными за тысячелетия «предыстории» привычками.

Второй вариант таких нравственных подвигов не требует. Принимается однозначное и формально закрепленное решение о запрете допуска к работе тех, кто не соответствует неким требованиям. Причем:

— эта стена между элитой и остальными непроницаема (если ты сегодня не отвечаешь неким требованиям, то это только твое горе и помогать тебе никто не будет);

— приобретает наследственный, вечный характер;

— отброшенные за черту по факту лишаются человеческого статуса, они *уже-не-люди*, ибо для общества совершенно бесполезны, а при некоторых ситуациях — прямо опасны.

Недостаток этого варианта в том, что он означает самоуничтожение цивилизации (тривиальное решение).

Оставим за скобками вопрос: а смогут ли эти «элитарии» спокойно смотреть в зеркало, отправив в социальное небытие, лишив души и искры божьей девять десятых населения, то есть, совершив деяние, перед которым бледнеют подвиги всех злодеев древности?

А вот как они уживутся меж собой? Принцип конкуренции не только не снят, но возведен в абсолют. Сегодня ты соответствуешь, а завтра требования растут, задачи усложняются, техника не стоит на месте. Перечень допущенных к элитарной деятельности при таких обстоятельствах будет постоянно сужаться (вплоть до вырождения, когда наверху останется кто-то единственный).

И избежать сбрасывания к уже-не-людям, а вовсе не решение тех проблем, ради чего их и призвали в элиту, станет приоритетной, более того, единственно значимой задачей. И даже не интригуя, не переходя к активному истреблению конкурентов (а ведь не удержатся), они рано или поздно отвлекшись, совершат ошибку, после которой землю покроет теплая радиоактивная пыль.

Мы сейчас пока балансируем на третьем варианте, пытаюсь совместить несовместимое, но долго это продолжаться не может.

Третья особенность эпохи тесно связана со второй и является, по сути, проявлением ее развертывания. Идущее на смену классическому индустриальному производству автоматизированное, а в перспективе — автоматическое (информационное, когнитивное, есть ему и другие названия) делает главной ценностью не золото, не нефть, а информацию, знания, причем нарастающие по экспоненте.

А информация (и способы работы с ней, например, обмен) — это нечто, никак не сочетающееся с понятием «business as usual». Если к информации в ее первом аспекте (некоторые готовые сведения) оно еще применимо, хотя и с трудом, об этом ниже, то ко второму аспекту (управление сведениями, получение знаний) и к третьему (управление знаниями для изменения реаль-

Особенности обеспечения экономической безопасности в современном мире

ности) оно неприменимо в принципе, а попытки его осуществить — равнозначны попытке запретить людям думать.

Ибо, во-первых:

— результаты труда с информацией, знания — неотчуждаемы, следовательно, если я требую при обмене за свои знания нечто съедобное, нарушается симметрия обмена обычными товарами — я приобретаю, ничего не лишаясь;

— последствия передачи информации, ее потенциальная ценность непредсказуемы; сообщая, например, контрагенту, что «дважды два — четыре», мы должны быть готовы к тому, что, используя это, он самостоятельно разработает и всю таблицу умножения, и всю современную математику или вообще придумает что-то сейчас невообразимое;

— само получение результата деятельности по добыче знания непредсказуемо; результат то ли будет (когда — неведомо), то ли нет, а кормить занятого этим надо уже сейчас — кто это будет делать и по каким правилам? Что считать общественно необходимым рабочим временем для получения знания;

— в связи с вышесказанным: получение знаний — труд принципиально коллективный, и вклад каждого ценен именно в системе коллективных связей, индивидуализации не поддается, а как сказано было выше, совокупность активного и полезного населения совпадает с совокупностью добывающих и использующих знания, другой работы для людей не остается... Так кому будем давать больше, кому — меньше?

Таким образом, правила товарообмена к информации неприменимы, ее стоимость и потребительная стоимость неопределенны, обмениваться ею можно только свободно и бескорыстно, считая общим достоянием, и вознаграждать создателя информации можно лишь удовлетворяя его потребности в надежде, что он использует (исключительно по своим собственным мотивам, извне это не контролируется) свои способности в полной мере, а мера эта никому, в том числе и самому работнику, неизвестна.

А если все же настаивать на соблюдении древних обычаев обмена? Тогда — непосредственно и сразу, по крайней мере, три нежелательных последствия.

Если есть частная собственность на информацию, то она должна иметь своим основанием объективно сложившуюся систему разделения труда. А ее нет — смотри выше.

Если есть частная собственность, то есть и конкуренция. Тогда в условиях лавинного нарастания объема информации проблема обеспечения ее достоверности (следовательно, пригодности к использованию, имея в виду способность именно приносить пользу) не решаема в принципе.

Информация, с одной стороны, кажется общедоступной, она рассеяна в природе, как тепло, но, чтобы превратить тепло в полезную работу, нужны сложные устройства; чтобы обратить информацию в нечто полезное, нужна еще более сложная инфраструктура; если она — достояние немногих, то они получают решающее преимущество, доводя социальное неравенство до предела, до перевода всех иных в статус *уже-не-людей*.

Во-вторых, объективное содержание внедрения информационных технологий — это снижение роли субъективного фактора в принятии решений, в

том числе в экономике. Отношения между людьми (напомним — отчужденные) заменяются совокупностью рационально организованных процессов. Экономические отношения заменяются организационными.

Но, позвольте, не это ли называл некий Маркс уничтожением частной собственности? Вы готовы этим заняться (со всеми вытекающими социальными последствиями) или все же предпочтете сочетать модерн в технологиях и архаику общественных отношений? А получится?

В-третьих, развитие информационных технологий не стоит на месте, уже сейчас поставлено на повестку дня создание устройств с элементами искусственного интеллекта (искины). Скажем, вы сообщаете устройству только общие правила игры в шахматы: как ходят фигуры и цель — поставить мат. Остальное оно постигает самостоятельно и начинает обыгрывать гроссмейстеров. Такое уже есть.

Иными словами, подобные устройства способны решать и те проблемы, которые мы ранее отнесли к некорректным задачам. И что делать с теми, кто не способен в силу полученного образования и воспитания к иному труду, кроме как к простому, поддающемуся алгоритмизации, решать задачу в общем виде (и в более сложной постановке) — а в чем вообще предназначение человека, зачем он нужен (в т. ч. и с точки зрения искина, точнее — совокупности искинов, вы технически не сможете помешать им связаться друг с другом)? Ясно, что соревноваться с компьютером там, где тот заведомо сильнее, бессмысленно...

Решение в принципе есть, но пока только в принципе. Скажем, уже сейчас имеющиеся производственные мощности, логистика и система управления в ее техническом аспекте позволяют обеспечить всему населению Земли разумный и справедливый уровень потребления необходимых благ. Вот это — дело искина. Человеку остается только (!) определить, что значит «разумно», «справедливо», «необходимо», и объяснить это системе управления так, чтобы быть правильно понятым...

Заметим, что при этом судьба всех исторически сложившихся уровней отчужденных отношений, посредников, которые навязывают людям собственные цели и схемы поведения, в том числе хрематистики, является печальной.

Либо вы ориентируете своего искина-помощника на удовлетворение потребностей людей (экономика), тогда он не поймет, причем здесь прибыль, либо — на получение прибыли вами (хрематистика), тогда для него удовлетворение потребностей (в т. ч. на само существование) людей не будет являться граничным условием. В последнем случае само понятие «хрематистика» исчезнет вместе с последним человеком.

Почему исчезнет? Смотри выше. Мы себе-то, не искину даже, можем объяснить, зачем и почему мы, такие хорошие, должны и далее жить на планете Земля? Нет, не можем. Ибо упорно, исходя из предрассудков и унаследованных от предков-обезьян инстинктов, не желаем взглянуть правде в лицо.

Либо перевод идеи русских космистов о богостроительстве в ранг социоинженерной задачи, возвращение человеку его утраченной за тысячелетия отчужденного развития (вынужденного, необходимого, но исчерпанного

Особенности обеспечения экономической безопасности в современном мире

свой потенциал) его сущности и раскрытия его понятия (но тогда для всех и никак иначе).

Либо гибель — обезьяна не с гранатой и даже не с ядерной бомбой, а информационными технологиями (а еще с био-, генно-инженерными и т. д.) долго не проживет.

Мы на распутье. И скорее всего, выберем второй из описанных выше вариантов.

Игнорирование особенностей современной эпохи, попытки сочетать широкое внедрение информационных технологий с архаикой мышления, в том числе и при решении задач экономики (настаивание на необходимости такого посредника, как получение прибыли), представляется главной и наиболее актуальной угрозой безопасности.